

Когда они вернулись в Маринфорд, уже наступила ночь. Сон, однако, был роскошью, которую мало кто мог себе позволить этой ночью.

Все, кроме госпитализированного Онигумо, собрались в зале заседаний. Состояние Аокидзи было особенно тяжелым, и даже присутствие на собрании его напрягало.

— Собрание начинается. Полагаю, с темой все знаком, — Сэнгоку показал фотографию Нарона, которую он только что сделал.

— Разве мы не обсуждали расследование этого ребенка, Сэнгоку? Есть результаты? — спросил Гарп, вспомнив, как Нарон объяснял свое посещение глубоководной тюрьмы.

— Мы провели расследование, и оно совпадает с вашим отчетом, — мрачно признал Сэнгоку. Он уже отправил людей на задержание морского пехотинца. Морская пехота, при всей ее мнимой чести и справедливости, была погрязла в коррупции.

Как у маршала, у него была огромная нагрузка. Он не мог контролировать все, а распушенность местных морпехов ухудшала положение организации.

Сэнгоку всегда верил в абсолютную справедливость морских пехотинцев. Любого, кто бросал им вызов, ждало мрачное будущее.

Однако на этот раз его снисходительность обернулась плачевно. Они наткнулись на гораздо более серьезного противника.

— Однако есть несколько странностей. Этот парень по имени Нарон внезапно появился в этой деревне несколько лет назад и с тех пор ведет себя совершенно обычно.

Даже его не пощадили эти продажные морские пехотинцы.

Однако я обсудил это с вице-адмиралом Цуру, и мне кажется, что он может скрывать свою неуклюжесть. Может, он просто хочет жить обычной жизнью, но эти ублюдки создали ему проблемы!

Все, включая Сэнгоку и Гарпа, согласились с этим предположением. В то, что он так быстро стал таким сильным, просто не верилось.

Но даже если поначалу все так думали, в конце концов они отказались от этой идеи.

По их мнению, никто не мог стать таким сильным так быстро. Ни один человек, даже сам Король пиратов Гол Д. Роджер.

Поэтому они решили, что Нарон, скорее всего, скрывает свою истинную силу и просто хочет жить спокойно. Но их собственные люди все ему испортили.

Он даже устроил такую сцену в Импел Даун.

— Я давно говорил тебе, что мне следует позаботиться об этих вещах, но ты не послушал, — пробормотал Гарп рядом с Сэнгоку, достаточно громко, чтобы все услышали. Втайне несколько вице-адмиралов молча похлопали ему в ладоши. Гарп был единственным, кто осмелился так разговаривать с Сэнгоку.

— Ты имеешь наглость жаловаться! Почему ты сам с этим не разобрался? Думаешь, я могу просто клонировать себя, как тот урод? — на лбу Сэнгоку выступили вены, и он зарычал в

ответ.

Следующий комментарий Гарпа был настоящим ударом по зубам, едва не заставившим Сенгоку поперхнуться.

— Ладно, ладно! — вмешалась Цуру. — Вы оба! Мы все еще на собрании! — эти два старых кота любили препираться целыми днями, знал Крэйн. Они прекрасно ладили друг с другом, но для всего есть свое время и место, и совещание — не тот случай.

К счастью, спор утих, и они вернулись к обсуждаемой теме.

— В конце концов, все это обернулось для нас неприятностями. Этот большой беспорядок дает понять, что нам нужно навести порядок в доме. Еще несколько подобных инцидентов, и у нас будут серьезные проблемы. Это также противоречит нашим основным ценностям — справедливости.

У всех трех адмиралов свои представления о справедливости. Кизару придерживается справедливости по принципу "делай, что хочешь", по сути, просто бездельничая на работе. Справедливость Аокидзи ближе к тому, что большинство людей считают справедливостью. Но, будучи морским пехотинцем, он не мог полностью послушаться приказа. Поэтому он использовал Сола как предлог, чтобы отпустить Робин.

Акаину — ходячее противоречие. Он вроде бы ненавидит пиратов, не проявляя к ним милосердия. Но при этом он слепо следует приказам Мирового правительства. Став адмиралом флота, он даже спорил с пятью старейшинами, но в итоге все равно подчинился им. Он не посмел бы тронуть Небесных Драконов, несмотря на их высокомерие. Тем не менее он напал на невинных гражданских в Охаре. Судя по его действиям, похоже, он уже совершал подобные поступки. Все на его стороне такие, включая Онигумо, который, если ему прикажут, нападет на своих же пехотинцев.

Справедливость Акаину — самая извращенная. Он, безусловно, самый послушный солдат среди морпехов, больше, чем кто-либо другой.

<http://tl.rulate.ru/book/105848/3839891>